

РАЗДЕЛ I ИССЛЕДОВАНИЯ

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 23/28+141

Д. А. Щербаков

УЧЕНИЕ О ЗАБОТЕ И БЕСПОПЕЧИТЕЛЬНОСТИ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ ХАЙДЕГГЕРА

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению различных пониманий заботы в христианском учении и философии Мартина Хайдеггера. Цель этой работы – показать основания сомнений в редукции личностного бытия только к заботе и обоснование понимания покоя и беспопечительности как подлинных и совершенных состояний и модусов бытия человека. Основываясь на тексте Священного Писания, на трудах святых отцов христианской Церкви и апеллируя к доонтологическому жизненному опыту, исследование показывает ошибочность редукции человеческого бытия к заботе и выявляет основания возможности иных, альтернативных интерпретаций сути существования личности. Ссылками на произведения христианских писателей обосновывается мысль о том, что предание себя воле Бога, вера, надежда и упование на Него освобождает человека от непрерывных забот и тревог. Показано, что заботу корректнее считать не самим по себе бытием человека, а одним из состояний и способов его бытия. Даётся христианское понимание покоя и беспопечительности о мирском как высших состояний бытия человека. В заключении делается вывод о том, что кроме заботы бытие человека выражается и проявляется в покое, в мышлении, в ведении, в предстоянии Богу, в вере, надежде и любви.

Ключевые слова: забота, Священное Писание, Исаак Сирин, Хайдеггер, бытие человека, философия, любовь.

Сведения об авторе: Щербаков Дмитрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории России ОГПУ, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург).

E-mail: am720@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9741-8345>

Цитирование: Щербаков Д. А. Учение о заботе и беспопечительности в христианской антропологии и фундаментальной онтологии Хайдеггера // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2025. Вып. 1 (34). С. 10–31.

Поступила в редакцию: 10.01.2025

Принята к публикации: 13.02.2025

Введение. Постановка проблемы

«Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28–30). Таков призыв Христа ко всем людям на все времена. «Бытие присутствия есть забота» – утверждает Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени»¹. «Присутствие» же – термин, обозначающий человека, личность – «присутствие есть <...> сущее, которое всегда я сам»². Присутствие имеет «сущностное устройство бытия-в-мире»³. Таким образом, по мнению Хайдеггера, само существование человека есть забота. Забота с покоем и даже с беспечительностью представляются «вещами» несовместимыми и взаимоисключающими. Обречены ли мы на вечную непрекращающуюся и, наверное, изнуряющую заботу или можем пребывать в блаженном покое? Только ли забота есть наше бытие, то есть верно ли отождествлять заботу с человеческим бытием?

Исходя из этих вводных слов, одно из которых из Священного Писания, другое из очень значимой философской работы, стоит отметить, что заслуживает внимания одна тема, почему-то не проявившаяся до сих пор достаточно рельефно в диалоге между христианской антропологией и философией – тема удивления очевидному контрасту мыслей о заботе и беспечительности в учении Церкви и в философском, преимущественно западном дискурсе XX в., особенно в трудах Мартина Хайдеггера. «Не заботьтесь...» – учил Иисус Христос, а бытие человека у Хайдеггера определяется как забота. При этом слова о заботе и в том, и в другом учении могут быть неправильно истолкованы и стать основой ложных императивов, ведь и забота, и беспечительность понимаются по-разному, несут много неявных смыслов, забота может быть направлена на различные области и проявляться в отношении разных объектов; то и другое может обращаться, как бы меняясь местами друг с другом, – переходить в свои противоположности, когда беспечительное состояние оказывается подлинной заботой, а многозаботливость нерадением и беспечностью.

Цель статьи – показать, на чём основаны сомнения в редукции личностного бытия только к заботе и представить основания для понимания

¹Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академический проект, 2011. С. 284.

²Там же. С. 53.

³Там же. С. 54.

покоя и беспечительности как подлинных и совершенных состояний и модусов бытия человека.

Актуальность темы. На первый взгляд может показаться странным и неуместным, даже ошибочным, сопоставление двух таких разных, совсем не однопорядковых способов и подходов мышления – религиозного и философского, – православного христианского учения о человеке и экзистенциальной аналитики в фундаментальной онтологии западного мыслителя, чьё творчество преимущественно носило как будто подчёркнуто секулярный характер.

Но причина, вынуждающая провести такое сопоставление, анализ и как бы «разговор смыслов» этих двух учений, проста и неустранимо требовательна. Оба учения говорят нам о самых глубоких основаниях, способах и целях бытия человека, по-своему высвечивающих внутренний мир личности, показывают его содержание, направленность, устройство и свойства. Это учения о том, что ближе всего каждому из нас – о самом нашем бытии и нашей сущности, и мы ищем в них ответы на самые насущные вопросы о самих себе, следуя древнему указанию «познай самого себя». Следует осознавать силу влияния этих учений на самопонимание и выбор жизненного пути, но как быть тому, кто в силу обстоятельств, хотя бы по причине студенческого послушания учебной программы и дисциплине в некоторой степени знаком с обоими этими учениями и обречён носить их в своём разуме, пытаясь как-то «перевести с одного языка на другой», продумать и связать одну систему категорий с другой, и что-то в итоге принять, а что-то отбросить. Человек хочет быть цельным, гармонично со-вмещающим в себе весь накопленный духовный опыт. Как раз из-за того, что эти две системы мысли и духовного делания столь различны – одна представляет религиозную богословскую традицию, а другая – светскую философию – и стоит составить более-менее адекватное представление о их совместимости или несовместимости. Конфессиональные различия внутри религии определялись на церковных соборах и в трудах теологов. Но философия, как нечто не сакральное, как общеобязательная ныне учебная дисциплина, может быть избавлена от подозрений в ереси и ложности пути и рассматриваться как духовно и нравственно нейтральное обдумывание смысложизненных проблем. Прямо говоря – может ли православный христианин быть «последователем» или подражателем Хайдеггера, понимать и излагать истины Священного Писания, самого себя и всё вокруг в его терминах, тезисах и способах мышления? После Хайдеггера православному теологу на лекциях и конференциях, да и священнику

на проповеди и исповеди приходится обращаться к некоторым людям как к усвоившим понятия и образ мысли этого философа, а для этого требуется осуществить сопоставление и выяснение взаимного отношения этих двух учений. Этим и вызвана **актуальность** и необходимость предлагаемого здесь исследования, обоснована его **теоретическая и практическая значимость**. Разумеется, эта работа весьма обширна и многогранна, требует особой специализации и совместных усилий множества исследователей, здесь же мы по мере сил попытаемся проделать малую часть этой работы, причём не «перевод» из одной системы категорий в другую, а выявление самих оснований различного понимания заботы. Выявление, сопоставление и анализ этих оснований, интерпретация их отношений, попытка осуществления «диалога смыслов» столь разных учений о человеке, попытка опровержения хайдеггеровского определения сути человеческого бытия как заботы представляют определённую **научную новизну исследования**.

Методами исследования явились прочтение богословских и философских трудов, сопоставление и сравнение содержащихся в них подходов к постижению смысла человеческого бытия, философский анализ различных описаний и истолкований феномена заботы, интерпретация смыслов богословского и философского видения данного феномена, синтез выводов.

Историография проблемы. Литературу, на которую опирается это исследование, можно условно разделить на две группы, в одной из которых рассматривается тема заботы и беспечительности, в другой – диалог христианской теологии с философией Мартина Хайдеггера и проблема их соответствия. Кроме выступающих в качестве основных источников Священного Писания и трудов самого Хайдеггера к первой группе относятся произведения Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, св. Игнатия Брянчанинова и других христианских писателей, а также философские произведения Платона, Аристотеля, Сенеки, Томаса Мора, Рене Декарта, Мишеля Фуко, Пьера Адо, мысли которых анализировались и развивались такими современными философами, как В. М. Розин, Ю. А. Асоян, А. Г. Куницин, Р. Г. Апресян, М. В. Куликов и др. В разработку второй группы проблем внесли вклад Б. Вельте, Г. Отт, Р. Бультман, Э. Юнгель, Хр. Яннарас, Д. Б. Харт, Дж. П. Мануссакис, С. А. Коначева, И. В. Дуденкова, И. М. Загрийчук и другие теологи и философы.

Тема заботы древняя и существенная в истории религии, философии, педагогики и в целом – человеческой культуры. Специально

исследовавший эту тему А. Г. Куницин отмечает, что «„Забота“ (sorge, cura, care и т. д.) может быть названа одним из опорных пунктов европейской мысли, какое бы измерение философии мы бы ни взяли – онтологическое, антропологическое или социальное»⁴. «На всех этапах развития западноевропейской философии можно обнаружить принцип заботы, которая проявляется в форме познания и охранения человеческой самости – в её эмоциональной, духовной или рациональной форме»⁵. И если в повседневности тема заботы мыслилась и обсуждалась, по-видимому, всегда, то как философская категория она «впервые появляется в философии Сократа в образе «заботы о себе»⁶.

Друг Сократа Алкивиад безрассудно намеревался заниматься политикой, занять общественную должность и стать советником афинян, будучи сам обучен только грамоте, искусству игры на цитре и борьбе, а Сократ его остановил и образумил, внушив мысль, что прежде чем управлять другими и заботиться о них, нужно познать самого себя, постигнуть, что есть благо, справедливость и подлинная забота о себе, и научиться заботиться о себе. Только в этом случае сможешь разумно и благотворно заботиться о других. Платон в диалоге «Алкивиад I» устами Сократа задаёт вопрос: «Что же значит заботиться о себе? Как бы нам, по незаботливости о себе, иногда, забывшись, не решить, будто заботимся?»⁷. Собеседники приходят к выводу о том, что, поскольку человек есть душа, то забота о себе самом есть забота о своей душе⁸. Забота же о душе есть обретение рассудительности и доброты, что приводит к счастью⁹. Прежде чем принять на себя власть и попечение о гражданах, человек должен сам стать добродетельным и справедливым. Мы понимаем, что добрые дела – это бескорыстное служение другим людям, и получается как бы смысловой круг: забота о себе оказывается вместе с тем заботой и о других. Так, уже в философии Сократа и Платона была осмыслена и выражена тема заботы,

⁴ Куницин А. Г. «Забота» как онтологическая категория // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). В 2 ч. Ч. 1. С. 81.

⁵ Куницин А. Г. Философия Запада через понятие «забота» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). С. 70.

⁶ Куницин А. Г. Этическое измерение «заботы» // Манускрипт. 2019. Том 12. Вып. 6. С. 145.

⁷ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : Альфа-книга, 2013. С. 451.

⁸ Там же. С. 454–456.

⁹ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе... С. 458.

основой которой признаётся самопознание, а сущностью – стремление души к добродетели и справедливости. Это учение созвучно христианскому пониманию, в котором подлинная забота – это забота о спасении души, состоящая в следовании воле Божией и выражаемая добрыми делами в бескорыстном служении людям. При этом стоит отметить, что у Сократа и Платона нет онтологической проработки понятия «забота», наполнения его какими-то особыми смыслами, выходящими за рамки обыденного словоупотребления, и нет отождествления заботы с самим бытием человека. Беспечительность же Сократа в отношении материальных мирских дел стала хрестоматийным примером и выражалась в его бессеребреничестве, равнодушии к мирским богатствам, почестям и чужим невежественным мнениям, в свободе от материального, от светского тщеславия – это было учение о том, что философия есть образ жизни, являющийся умиранием в отношении всего вещественного и переходящего ради вечного блага. Личность Сократа стала образцом того самого «философского спокойствия», о котором многие мечтают.

Последующее развитие мыслей о заботе и беспечительности шло в античных школах киников, стоиков, эпикурейцев и в неоплатонизме. В учении и образе жизни киников и стоиков выражались идеалы свободы от всего материального и мирского, героическое спокойствие и невозмутимость – безмятежность самодостаточного духа, в неоплатонизме тоже видим стремление к свободе от материального, эпикуреизм проповедовал умеренность и блаженство тихой безмятежной жизни, свободной от политических и предпринимательских забот.

Ещё задолго до зарождения античной философии религия и Писание Ветхого Завета уложило покой в заповеди о праздновании субботы и предписало не делать в этот день никакого дела, но посвящать его Господу. Уже одним этим разрывается череда беспрерывных забот и лихорадочный бег за земными благами. Уже осмыслением одной этой заповеди ставится под сомнение философское учение о сведении всего бытия человека к заботе.

Появление христианства проповедью Спасителя принесло всему человечеству призыв не заботиться о мирском, «не суетиться о многом», а стремиться ко спасению души постижением и исполнением воли Божией, любовью и милосердием. Не просто спокойная безмятежность духа языческих философов, но тёплая и живая любовь к Богу и людям, преданность воле Творца освобождала христианского подвижника от страхов, тревог и забот. Заложенное Евангелием и всем Новым Заветом христианское

учение о заботе и беспечительности наиболее ярко было выражено в трудах святых отцов и особенно монахов. Понимая всю необъятность христианской литературы, освещющей эти вопросы, в данном исследовании мы будем преимущественно опираться на творения Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Святителя Игнатия Брянчанинова как на характерные и авторитетные выражения общего учения Церкви по интересующему нас здесь вопросу.

В Новое время мысли о заботе, преимущественно в виде этических и антропологических рассуждений о том, о чём стоит заботиться, а о чём нет, а не о самой онтологической природе заботы развивались в трудах Мишеля Монтеня, Рене Декарта, Канта, Ф. Ницше и многих других философов. Так, Р. Декарт писал, что если неразумные животные вынуждены непрерывно заботиться только о своём теле, то для человека, «главною частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи – мудрости»¹⁰. Высшее благо для человека, согласно Декарту, есть познание истины, и это должно стать основным предметом его заботы¹¹. При этом мыслитель полагал, что забота не есть что-то непрерывное и фатально довлеющее, не считал её основоустройством души или человеческого бытия, но считал, что душа, благодаря неуклонному следованию добродетели, живущая по совести, достигает удовлетворения и покоя, который не тревожится бурным натиском страстей¹². «Удовлетворение, постоянно испытываемое теми, кто неуклонно идёт стезёй добродетели, есть привычка их души, называемая спокойствием или спокойной совестью»¹³, – писал Декарт.

В XX в., помимо концептуализации понятия заботы в трудах Хайдеггера, тема заботы была в центре заочной дискуссии Мишеля Фуко и Пьера Адо. «Адо принимает понятие „заботы о себе“, включающее внимательное отношение к телу и душе, воздержание, постоянный самоанализ, достижение безразличного, невозмутимого отношения к вещам, но сомневается в правильности их понимания Фуко, как „продуманных и добровольных практик, посредством которых люди не просто устанавливают

¹⁰ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы. М. : Академический Проект, 2011. С. 140.

¹¹ Там же. С. 140–141.

¹² Там же. С. 310–311.

¹³ Там же. С. 324.

для себя правила поведения, но стараются изменить самих себя, преобразовать себя в собственном особом бытии и сделать из своей жизни произведение, несущее в себе определённые эстетические ценности и отвечающее определённым критериям стиля»¹⁴.

Проблеме соответствия бытийно-исторического мышления позднего Хайдеггера христианской теологии и интерпретации философии Хайдеггера в христианской философии второй половины XX в. посвящены работы С. А. Коначевой¹⁵. Она отмечает, что «фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера с самого начала оказала сильное влияние на теологическую мысль. При этом оценка значения хайдеггеровской мысли для теологии была чрезвычайно неоднозначной: от полного принятия его фундаментальной онтологии в качестве исходного принципа теологической герменевтики до резкого отвержения всякой возможности такого отношения философии к теологическому пониманию»¹⁶. Также отмечается, что «христианские богословы XX века обращаются к философии Мартина Хайдеггера в ситуации глубочайшего кризиса теологического языка»¹⁷. Философия Хайдеггера, как мышление, соответствующее языку, стимулирует современную теологию обрести свой собственный путь мысли и язык, соответствующие Слову Божию¹⁸. В работах С. А. Коначевой основательно проанализирован богословско-философский диалог и рецепция идей и языка Хайдеггера в работах католических (К. Ранер, Г. Зиверт, Б. Вельте) и протестантских (Р. Бультман, Генрих Отт) теологов, рассматриваются отношения богословия и философии в работах Карла Барта и Э. Юнгеля. Отмечается, что К. Барт, совершивший революцию в западном богословии XX в., с предельной жёсткостью настаивал на различии

¹⁴ Кулаков М. В. «Забота о себе» как опыт маргинального: М. Фуко и Л. Толстой // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 37.

¹⁵ Коначева С. А. Бытийно-историческое мышление позднего Хайдеггера и христианская теология: проблема соответствия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 13 (56). С. 139–154.

Коначева С. А. «Бог, отвечающий молчанию»: интерпретация философии М. Хайдеггера в христианской философии второй половины XX века Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. С. 99–114.

¹⁶ Коначева С. А. Бытийно-историческое мышление позднего Хайдеггера и христианская теология: проблема соответствия... С. 139.

¹⁷ Коначева С. А. «Бог, отвечающий молчанию»: интерпретация философии М. Хайдеггера... С. 99.

¹⁸ Там же. С. 112.

философии и теологии¹⁹. Э. Юнгель, как комментатор и продолжатель идей К. Барта, подчёркивает, что «теология может обращаться к Хайдеггеру только издалека, из своих собственных оснований»²⁰. На наш взгляд, некоторые идеи, высказанные С. А. Коначевой при тщательном анализе такого центрального понятия хайдеггеровской философии, как «ничто» перекликаются с христианским понятием «нищеты духа» и «самоумалением» человека в молитве к Богу, с христианским учением, по которому «душа человека – не от мира сего». Особое исследование С. А. Коначевой посвящено диалогу православного богословия второй половины XX века с философией Хайдеггера, где сопоставляются взгляды В. Н. Лосского и немецкого мыслителя, выявляются их различия, а также дан анализ работ Хр. Яннараса, Д. Б. Харта, Дж. П. Мануссакиса, в которых делается попытка разработать православную онтологию личностного бытия²¹. Отмечается, что хайдеггеровские «познания в области христианской мысли не достигали патристических истоков»²².

Влияние фундаментальной онтологии М. Хайдеггера на православный персонализм XX в. на примере работ Христоса Яннараса и митр. Иоанна (Зизиуласа) анализирует И. В. Дуденкова²³. Она отмечает, что мысль Хайдеггера повлияла не только на католическую и протестантскую теологию, но и на православную философию²⁴. При этом, по мысли автора, «философское освоение языка восточной патристики – одна из возможных задач современной онтологии»²⁵.

Обстоятельный анализ идей М. Хайдеггера в сопоставлении со взглядами православного философа Х. Яннараса дан в работе И. М. Загрийчука. Автор рассматривает различные категории, в том числе и хайдеггеровское понимание категории заботы, посредством которых

¹⁹ Коначева С. А. «Бог, отвечающий молчанию»: интерпретация философии М. Хайдеггера... С. 106.

²⁰ Там же. С. 107.

²¹ Коначева С. А. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер // HORIZON. Феноменологические исследования. 2018. № 2 (14). Т. 7. С. 312–336.

²² Коначева С. А. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер... С. 333.

²³ Дуденкова И. В. Влияние фундаментальной онтологии М. Хайдеггера на православный персонализм XX века // Вестник РУДН, серия «Философия». 2008. № 3. С. 26–31.

²⁴ Там же. С. 26–27.

²⁵ Там же. С. 30.

осуществляется исследование и истолкование личностного бытия. В противовес индивидуалистическому мышлению западной философии отмечается, что «любовь как онтологическая, а не этическая категория способна раскрыть способ бытия личности»²⁶.

Таким образом, история философии преподносит нам значительное богатство мысли, посвящённой теме заботы и теме диалога христианской антропологии и философии. Но при этом мы не нашли работ, замечающих, акцентирующих и исследующих резкий контраст христианского учения о беспечительности и хайдеггеровского определения бытия присутствия как заботы. Сопоставлению этих различных учений о заботе и посвящена эта статья.

Основная часть

Итак, согласно Хайдеггеру, «бытие присутствия есть забота»²⁷. Само присутствие как сущее, которое всегда есть «я сам» и которое «мы называем „человеком“» «всегда уже есть забота»²⁸. Онтологическое определение сути заботы как основоустройства присутствия схватывается дефиницией: «вперёд-себя-уже-бытие-в-(мире) как бытие-при (внутримирно встречном сущем)»²⁹. Непривычный обыденному сознанию экзистенциально-онтологический концепт «вперёд-себя-бытие», по-видимому, выражает мысль об устремлённости человека за пределы себя самого к своему особому умению быть, «хватание через себя», устремлённость в своё будущее. Тут вообще стоит заметить, что «вперёд» – это направление или направленность. А направленность всегда бывает «на что-то», движение и деятельность человека всегда «для чего», «ради чего» и «для кого», «ради кого», что и называется заботой.

Представляется, что выражение «вперёд-себя-бытие», помимо туманного смысла концепта «бытие-к-способности-быть» или «бытие-к-умению-быть» обозначает движение человека к чему-то и экстатичность человека (человеческого сознания), которое переступает за самое себя, как бы выходит за пределы самого себя в своём стремлении реализовать свои собственные возможности, стать чем-то, чем пока ещё не являешься,

²⁶ Загричук И. М. Вот-бытие М. Хайдеггера и концепт личности Х. Яннараса как альтернатива онтологическому падению человека // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 368.

²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время... С. 284.

²⁸ Там же. С. 53, 196.

²⁹ Там же. С. 192.

а также направленность сознания на объекты, как основное его сущностное свойство. Например, когда человек любит кого-то, он живёт «вперёд-себя» к тому, кого он любит, т. е. он стремится к нему, делает что-то ради него. Это «ради-чего» или «ради-кого» схватывает обращённость, стремление души вперёд, к другому, к цели своих действий и своего стремления.

Тут стоит задать вопрос: само ли по себе бытие человека и всё ли его бытие суть забота или же забота есть всего лишь один из модусов его бытия и одно из возможных и преходящих состояний его души, даже некая характеристика или разновидность деятельности человека? И, соответственно, не найдём ли мы среди остальных модусов и состояний его бытия покой, удовлетворённость и беспечительность, которые обещает нам и к которым призывает нас Священное Писание? «Станьте как дети...», предайте себя в волю Божию и «найдёте покой душам вашим» – говорит нам христианское учение. Разве онтически нет детского опыта каждого из нас – опыта пребывания в воле родителей и беспечительности о будущем? Разве, будучи взрослыми, самостоятельными и преданными самим себе на попечение, будучи рабами и заложниками обстоятельств, мы не стремимся безотчёtnо опять испытать испытанное в детстве – остановить эту бессмысленную изнуряющую гонку, ставшую привычкой тревогу, отдать все долги и освободиться, успокоиться от всех дел своих? Мы стремимся к этому, как к чему-то знакомому, уже испытанному однажды, как к реальности, а не к воображаемому миражу. Мы стремимся к беззаботности.

Онтологический вопрос также в том, что не будет ли попытка увидеть бытие как «что-то» сведением бытия к чему-то, то есть к одной из своих определённостей, как в рассматриваемом нами случае, когда его свели к заботе, присвоив ему определение «бытие есть забота»? Может быть, одной из причин такой редукции у Хайдеггера является как раз то ощущение «брошенности» в мир, ощущение «падения» и как бы «растворения» в вещах и людях, в чужом и непостижимом, даже абсурдном мире, раскрытость которому и безосновность собственного бытия «ужасает» Хайдеггера, переживание предоставленности только самому себе, отсутствие любви, надежды и веры в Бога? Если в повседневности свою заботу мы с лёгкостью «перекладываем на других», на более опытных, трудолюбивых и старших, то не прекращается ли забота с возложением упования на Бога, с преданием себя Его воле? Это действительно только вопросы – вопросы к себе и другим людям, достаточно хорошо понимающим Хайдеггера. И, вероятно, нынешний «разговор» с Хайдеггером преимущественно может состоять только из вопросов «к нему», вернее к его учению, то есть к его

книгам и к тем людям, которые достаточно понимают странные и непривычные мысли великого философа, доставшиеся нам в авторском переводе В. В. Бибихина.

Сам Хайдеггер предупреждает, что он использует титул «заботы» в определении сути бытия только экзистенциально-онтологически. Он пишет, что было бы неверно понимать такое определение в расхожих значениях термина «забота». Он предупреждает о чуждости для «обычного рассудка» онтологического понимания и даже о том, что «уже и онтическая опора <...> онтологической интерпретации присутствия qua заботы может показаться притянутой и теоретически измысленной»³⁰, особенно ввиду как бы насильтственного исключения традиционной и выверенной дефиниции человека. Но стоит обратить внимание на то, что хотя немецкий философ в своей экзистенциальной аналитике и пытается ограничить термин «забота» от расхожих в обыденном словоупотреблении значений типа «хлопотливость», «озабоченность», «тяготы и опасения», «омрачённость», «житейские заботы»³¹ и т. п., тем не менее, он постоянно прибегает к этим всем привычным значениям и заметно, что сам термин и в онтологическом мышлении всё-таки сохраняет и несёт свои онтические, так сказать, первоначальные «природные» значения³². Так, сам Хайдеггер пишет, что «забота всегда, пусть хотя бы лишь привативно, есть озабочение и заботливость»³³. Он утверждает, что «поскольку бытие-в-мире есть в своей сути забота, постольку <...> бытие при подручном могло быть охвачено как озабочение, а бытие с внутримирно встречающим событием других как заботливость»³⁴. Иначе говоря, мы озабочены вещами и заботимся о людях. Бытие-в-мире есть «озабочение озабочившим миром»³⁵. Бытие-в подразумевает «бытийное устройство присутствия и есть экзистенциал»³⁶. Мы живём не в пустоте, нас окружает мир, как совокупность всего существующего. Так как наше личностное бытие всегда есть бытие-в-мире,

³⁰Хайдеггер М. Бытие и время... С. 182–183.

³¹Там же. С. 57.

³²Там же. С. 197.

³³Там же. С. 194.

³⁴Там же. С. 193.

³⁵Там же. С. 61.

³⁶Там же. С. 54.

то «событие есть экзистенциальный конститутив бытия-в-мире»³⁷. Событие как совместное бытие с другими людьми и со всеми окружающими вещами формирует, конституирует человека, выстраивает его внутренний мир и его тело. По Хайдеггеру, в заботе фундированы такие феномены, как воля, желание, влечение и позыв³⁸. Многосложность «способов бытия-в примерно обозначается следующим перечислением: иметь дело с чем, изготавливать что, обрабатывать и взращивать что, применять что, упускать и дать пропасть чему, предпринимать, пробивать, узнавать, опрашивать, рассматривать, обговаривать, обусловливать... Эти способы бытия-в имеют <...> бытийный образ озабочения»³⁹. Таким образом, вполне обыденные значения слова «забота» отливаются в итоге в туманное онтологическое определение этого понятия, выглядящее как набор слов, записанных через дефисы. Так что было бы преувеличением отвергать сомнения в сведении бытия человека к одной заботе указанием на недопонимание некоего «истинного смысла» такого онтологического определения. Тем более что имеются и другие смыслы, иной опыт и иное понимание сущности человека и его бытия. Здесь уместно, наконец, обратиться к христианскому видению этих вопросов.

Вера, надежда, любовь – пребывают ныне, и любовь из них больше – говорит апостол. Как это не похоже на холодный и неуютный «мир» Хайдеггера, в котором брошенное в него и «падающее» от самого себя «присутствие» раскрывается самому себе в основофеномене ужаса, его «вот-бытие» постоянно и неизбежно «в мире», конституировано миром и является бытием-к-смерти. Правда, что, заглянув внутрь себя, каждый найдёт заботу, как устремлённость вперёд, как беспокойство о будущем. Но правда и в том, что кроме заботы в нашей жизни есть ещё и вера, надежда и любовь. И странно было бы думать, что сии три есть что-то более поверхностное, эфемерное, не такое существенное в нашем бытии, как забота. Скажут, что любовь подобна заботе, и это, видимо, верно – они подобны, но не тождественны. Любовь больше заботы, нечто более всеобъемлющее и исходное, рождающее всё доброе. Кто любит, тот и заботится, но не только заботится, но ещё и радуется, и познаёт, и уповаёт, и пребывает в самозабвении, которое есть покой в отношении всего мирского, свобода

³⁷Хайдеггер М. Бытие и время... С. 125.

³⁸Там же. С. 182.

³⁹Там же. С. 56–57.

от мира, неотмирность. По мнению Хайдеггера, бытие-в-мире есть основоустройство личностного бытия, а по учению Христа «душа человека – не от мира сего». Ученики Христа осознают себя странниками в этом мире, где им всё чужое. Согласно христианскому учению, бытие человеку дано Богом, и Бог есть любовь. Святитель Иоанн Златоуст учил в молитве «не просить ничего житейского»⁴⁰. Так может молиться только человек, который уверен, что Бог любит его, а потому и заботится о нём.

Согласно христианской антропологии, человек есть разумное живое существо, «венец творения», сотворённое Богом по Своему образу и подобию. По словам св. Ефрема Сирина, «человек двойствен, то есть состоит из души и тела»⁴¹. Тело сотворено из «праха земного», а душа – дыхание жизни от самого Создателя, и нет в ней ничего вещественного, ничего от стихий материального мира. По словам св. Ефрема Сирина, образ Божий «это невидимость, бессмертие, свобода, а также владычественность, сила чадорождения, назидательность. <...> Подобие Божие имеет в себе человек соразмерно с добродетелью, делами богоименитыми и богоподражательными, то есть соразмерно с тем, что человеколюбиво расположен к единородным, милосердствует, милует и любит подобных себе»⁴². Поскольку человек есть сотворённое существо, то он может уповать и надеяться на заботу своего Создателя, который создал этот мир, со всеми его «физическими константами» именно таким, чтобы в нём мог появиться и жить человек. В этом главное основание того особенного устроения мировоззрения и мироощущения христианина, в котором он уверен, что Бог заботится о нём, и поэтому он может жить как ребёнок.

Непосредственно о заботе Спаситель ясно сказал в Нагорной проповеди: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» (Мф. 6:25) «потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:32–33). «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (Мф. 6:25). Философы-экзистенциалисты, определяющие человека как свободный проект самого себя за пределы определённой ситуации, склонны простирать

⁴⁰ Иоанн Златоуст, свт. Беседы на псалмы. В 2 т. Т. 1. М. : Правило веры, 2015. С. 30.

⁴¹ Ефрем Сирин, прп. Избранные творения. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 481.

⁴² Там же. С. 497.

непрерывную перспективу человеческих забот до самого конца земного существования личности. Но мы знаем, что в учении Христа забота прерывна, конечна и ограничена одним днём. Этим как бы уничтожается незыбивная власть состояния мирской заботы над душой человека и даётся основание считать иллюзорным представление, отождествляющее само человеческое бытие с заботой. В Писании сказано: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34). Также и молитвой Господней люди научены просить хлеб наущный «на сей день», а вовсе не на всю свою жизнь, что ограничивает и умаляет наши повседневные заботы и уничтожает долговременную перспективу тревог. Много сказано также о тщетности сбиания земных богатств на будущее и завещано не сбивать себе сокровищ на земле. Всякое земное стяжение есть дело заботы о земном будущем. Св. Иоанн Лествичник пишет: «Нестяжение есть отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозбраняемое путешествие, вера заповедям Спасителя, оно чуждо печали. Нестяжательный инок есть владыка над миром, вверивший Богу попечение о себе»⁴³.

Допустим, такие слова не аргумент в философском разговоре с атеистом – атеист может возразить, что это всего лишь призывы, благие пожелания, а не истинное описание реальности. Но то, что тысячи и тысячи последователей Христа вполне оставляли земное стяжение, «дома и земли» и жили годами в отречении от мира – это непреложный факт. Их духовный аскетический опыт и слова, оставленные в книгах – результат не просто абстрактных размышлений или, как часто бывает в философии «измышлений», но именно опытное знание и жизнь, дела в соответствии с этим знанием.

Тот факт, что многие последователи Христа, особенно монашествующие, на деле воплощали Его слова и самой жизнью своей являли Его учение, свидетельствует об истинности и действенности этого учения, этого понимания заботы, беспопечительности и самого человеческого бытия. Вспоминая об Антонии Великом, св. Василии Великом, св. Григории Богослове, Ефреме Сирине, Исааке Сирине, Иоанне Лествичнике, Иоанне Дамаскине, св. Игнатии Брянчанинове и многих других подвижниках зададимся вопросом: было ли их «вперёд-себя-бытие-в-мире» «бытием-

⁴³Иоанн Лествичник, прп. Лествица. М. : Изд-во московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2004. С. 169.

в-мире»? В каком «мире»? Было ли их, выражаясь словами Хайдеггера, «брошенное падение» «растворением в людях и молве»? Напротив! Они годами жили в пустынях, в безмолвии, в одиночестве, не заботясь ни о чём земном – «мирском». Разве их отношением с «подручными вещами» была конституирована их душа? Привязанность к вещам и человеко-угодничество вообще признаются христианством за грех. Они жили, скорее, как птицы небесные и нам невидим их путь, как не видна бывает дорога в небе. В русской культуре монахов называют иноками – их бытие иное, устроение их души иное, чем у мирян. Голоса же их удивительно созвучны, послушаем их слова. «Возлюбленные мои, свергнем с себя всякую заботу и попечение об этом суетном и преходящем веке и с великим усердием и рачением послужим Ему Единому <...> ничего не будем приобретать себе на земле»⁴⁴, – призывал св. Ефрем Сирин. «Иноку, который посвятил себя небесному деланию, прилично всегда и во всякое время быть вне всякой житейской заботы, чтобы, погрузившись в себе самом, вовсе не находить в себе ничего принадлежащего настоящему веку»⁴⁵, – писал св. Исаак Сирин. «Такой человек, чтобы не прерывать ему непрестанного предстояния Богу, не предается заботам о необходимой потребности тела и, по страху Божию, ни о чем другом не печется, кроме того одного, чтобы свободным ему быть от всякой таковой, малой и великой, заботы, имеющей целью удовольствие и парение ума; и однако же чудесным образом получает это, не заботившись и не трудившись о сем»⁴⁶. Св. Исаак Сирин также писал: «Если у подвижника не будет рассеяния и возмущения делами телесными и попечением о преходящем, но соблюдет он себя от мира, будтельно будет охранять себя, то ум его в краткое время воспарит как бы на крыльях и возвысится до услаждения Богом, скоро придет в славу Его и по своей удободвижности и легкости погрузится в ведении, превышающем человеческое понятие»⁴⁷. Думается, «человеческое понятие» о душе имеем мы в произведениях Хайдеггера, и здесь говорится, что понятия, рождённые из мирского опыта и осмысливающего его онтологического мышления не отражают истинное бытие души, шествующей путём Христа.

⁴⁴ Ефрем Сирин, прп. Избранные творения... С. 152–153.

⁴⁵ Исаак Сирин, прп. Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические. М. : Лепта Книга, 2010. С. 558.

⁴⁶ Там же. С. 630.

⁴⁷ Там же. С. 646.

В словах Исаака Сирина видим обозначение иных, кроме заботы модусов бытия человека: «услаждение Богом» и «ведение». Бытие человека мы можем мыслить как ведение, притом, что забота прекращается, а ведение остаётся, оно пребывает за пределами всех обстоятельств. Заботы же всегда вызваны и обусловлены преходящими обстоятельствами. Если же забота онтологически – это всего лишь «бытие-вперёд-себя-в-мире», то столь же экстатическим «бытием-вперёд-себя» является и ведение, и мышление, и надежда, и любовь, и, стало быть, можно было бы определять бытие человека как любовь.

О гибельности и бесплодности увлечения заботами житейскими предупреждает и притча о сеятеле. Сказано, что душа человека подавляется ими и жизнь бывает бесплодна, ибо заботами житейскими и обольщением богатства слово Божие в душе человека заглушается и жизнь его проходит зря.

Также вспоминаются и образы Марии, севшей у ног Учителя слушать его, и Марфы, которая заботилась о большом угождении дорогих её сердцу людей и, подойдя к Спасителю, «сказала: Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и сутишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:40–42). Конечно, философски можно истолковать поведение Марии и как «заботу о себе» – заботу о спасении своей души, но ещё прямее и проще её слушание было непосредственно познанием воли Божией, она вся – внимание. Внимание и познание, как и забота, тоже могут интерпретироваться как «вперёд-себя-бытие», ибо то, чему внимашь, находится перед тобой и ты устремляешься как бы вперёд, к объекту своего внимания. Но к чему тогда такое искусственное усложнение истолкования преходящего как заботы и почему бы тогда не счесть бытие присутствия «вниманием», а не «заботой», или, как у Декарта – «мышлением»? Мышление – способ бытия души, «мыслю – следовательно, существую», а не «забочусь, следовательно существую». Представляется, что кроме и мышления, и заботы существует ещё много способов и модусов бытия человека и, поэтому неоправданно сводить всё его бытие только к заботе.

Защитники идеи определения бытия человека как заботы могут, пожалуй, возразить, что учение Христа просто призывает не заботиться о теле, о земном, и вместо заботы о «мирском» призывает заботиться о спасении своей души, и, таким образом, сутью бытия человека остаётся всё-таки забота. Действительно, как пишет св. Игнатий Брянчанинов, «Господь

воспретил суетные попечения, чтобы они не рассеивали нас и не ослабляли существенно нужного попечения о стяжании небесного царства»⁴⁸. Как будто вместо одной заботы христианство предлагает другую, но, на наш взгляд, следует различать столь неоднородные объекты и способы заботы, как своё собственное бытие в этом мире и неотмирное бытие Царства Небесного, которое «внутрь нас есть» и шествием в которое является земное бытие человека. Как уже было сказано, что такая христианская «забота о себе» есть гораздо более глубокий и фундаментальный феномен и может быть названа не заботой, а любовью, при которой сбережёт душу свою как раз тот, кто потеряет её ради Христа в любви к ближнему. Любовь больше и глубже заботы, забота – всего лишь одно из проявлений любви и внимания, одна из составляющих нечто более фундаментальное и первичное.

Важно понимать, что по учению святых отцов пребывание человека вне забот мира сего, пребывание в блаженном покое происходит в трудах и молитве. Физический труд и исполнение послушаний, деятельное служение ближнему – постоянное занятие подвижника. Но блаженный покой и беспечительность души возможны и в гуще трудов и достигаются они преданием себя Богу – возложением на Него всех упований, исполнение не своей, а Его воли, что часто достигается на практике тем, что подвижник свободно и добровольно вверяет себя в послушание игумену монастыря, который уже руководит его жизнью в соответствии со Священным Писанием так, чтобы соблюдались заповеди Божии. Именно основанное на вере отсечение своей воли и предание себя Богу, отречение от самого себя избавляют подвижника от забот и тревог, дают устроение души и всей земной жизни коренным образом отличающееся от описанного Хайдеггером мирского устроения человека, предоставленного самому себе и надеющегося только на себя. Блаженный покой достигается в трудах и самоотречении. Покой возможен и в трудах, и в отдохновении от них. Покой здесь не стоит понимать просто как остановку, прекращение движения и деятельности. Покой достигается истинной любовью к ближнему, когда человек забывает о себе, «не ищет своего», а «всего надеется», не переживает о себе, думая только о том, чтобы хорошо было тому, кого он любит, радуясь его радости.

Самоотречение даёт покой, ибо человек в таком состоянии почтает себя за ничто, а в ничто ничего нет, нечего терять и заботиться не о чём.

⁴⁸ Игнатьй Брянчанинов, свт. Творения : Аскетические опыты. М. : Лепта, 2001. С. 730.

Представляется, что в философском определении мыслителями-экзистенциалистами человека как «ничто» по-своему усматривается та истина, которая в христианстве давно выражается как утверждение о том, что «душа человека – не от мира сего» – ничто от мира в ней нет – ни качеств, ни состава, ни субстанции, ни формы, ни содержания. Представляется, что осознание своего ничтожества ближе к истине понимания сущности человека, чем надуманные сложные «структуры», предлагаемые спекулятивным мышлением. Осознание своего ничтожества даёт чистую молитву мытаря, а почитание себя чем-то нечистую молитву фарисея. Св. Игнатий Брянчанинов писал: «Стяжавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят перед Богом, славословия Его, исповедуясь Ему, повергая перед Ним прошения свои. Они чувствуют себя как бы уничтожившимися, как бы несуществующими. <...> В такое состояние пришел праведный многострадальный Иов, достигши высшего духовного преуспеяния. Он почувствовал себя истаявшим, как тает и исчезает снег»⁴⁹.

Покой, столь противоположный заботе, может рассматриваться как высшее состояние бытия человека, и это высшее состояние обещается учением Библии. Апостол Павел писал, что людям «еще остается обетование войти в покой Его» и «кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от своих. Итак постараемся войти в покой оный» (Евр. 1:10–11). Ещё в глубокой древности народу Божию было предписано прерывать все свои дела и заботы и один день – субботу посвящать Богу, праздновать. Бог уложил и предписал праздновать покой, что вырывает человека из животного состояния, из постоянной погони за едой, из власти стихий материального мира и ставит его над миром. Уже одно это наличие этой заповеди является основанием не отождествлять само бытие человека только с заботой и считать покой законным состоянием его бытия. Христиане следуют этой заповеди, посвящая воскресный день Богу, и на литургии слышат призыв херувимской песни «отложим все попечения», переносясь из этого в иной мир. Покой обещает и Иисус Христос, когда зовёт «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11:28). Забота прерывается состоянием покоя, но бытие человека продолжается и в покое, стало быть, бытие само по себе не есть забота.

Заключение. Таким образом достигается цель данного исследования – в диалоге хайдеггеровской философии и христианского видения

⁴⁹ Игнатий Брянчанинов, свт. Творения... С. 298.

человека показать основания сомнений в редукции личностного бытия только к заботе и представить основания для понимания покоя и беспопечительности как подлинных и совершенных состояний и модусов бытия человека. Этими основаниями являются учение Библии, развитое в творениях святых отцов христианской Церкви и опыт многочисленных последователей Христа, выразившийся в святоотеческих творениях, а также доонтологический опыт переживания беспопечительности в детстве.

Определение бытия человека как заботы следует считать неоправданной философской редукцией, порождённой атеистическим спекулятивным мышлением. Мартин Хайдеггер был представителем культуры, весьма далёкой от православной традиции. Можно предположить, что интуиции и представления его экзистенциальной аналитики в значительной степени были следствием смертельной катастрофы, пережитой Германией в Первой мировой войне, следствием утраты веры в промысл Божий, уныния и отчаяния бедственных послевоенных лет и скатыванием человечества в новую мировую катастрофу.

Исследование показало, что забота – не само по себе бытие, а одна из определённостей бытия, ибо она прерывается покоем и человек не перестаёт быть, находясь в состоянии покоя. Представляется, что заботу корректнее считать не самим бытием, а одним из состояний бытия личности, модусом бытия. Мирское болезненное состояние поглощённости заботой о материальном является результатом секулярного мышления, переживания и ощущения брошенности и оставленности человека, предоставленности только самому себе, отсутствия веры в Бога и надежды. Кроме заботы бытие человека выражается и проявляется в покое, в мышлении, в ведении, в предстоянии Богу, в надежде, вере и любви.

Литература

1. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы. М. : Академический Проект, 2011. 335 с.
2. Дуденкова И. В. Влияние фундаментальной онтологии М. Хайдеггера на православный персонализм XX века // Вестник РУДН, серия «Философия». 2008. № 3. С. 26–31.
3. Ефрем Сирин, прп. Избранные творения. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 592 с.
4. Загрийчук И. М. Вот-бытие М. Хайдеггера и концепт личности Х. Яннараса как альтернатива онтологическому падению человека // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 358–381.
5. Игнатий Брянчанинов, свт. Творения: Аскетические опыты. М. : Лепта, 2001. 865 с.
6. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на псалмы. В 2 томах. Т. 1. М. : Правило веры, 2015. 608 с.

7. *Иоанн Лествичник, прп. Лествица*. М. : Изд-во московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2004. 444 с.
8. *Исаак Сирин, прп. Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические*. М. : Лепта Книга, 2010. 800 с.
9. *Коначева С. А. Бытийно-историческое мышление позднего Хайдеггера и христианская теология: проблема соответствия* // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 13 (56). С. 139–154.
10. *Коначева С. А. «Бог, отвечающий молчанию»: интерпретация философии М. Хайдеггера в христианской философии второй половины XX века* Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. С. 99–114.
11. *Коначева С. А. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер* // HORIZON. Феноменологические исследования. 2018. № 2 (14) Т. 7. С. 312–336.
12. *Кулков М. В. «Забота о себе» как опыт маргинального: М. Фуко и Л. Толстой* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 35–45.
13. *Куницын А. Г. «Забота» как отнологическая категория* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). В 2 ч. Ч. 1. С. 81–83.
14. *Куницын А. Г. Философия Запада через понятие «забота»* // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). С. 70–72.
15. *Куницын А. Г. Этическое измерение «заботы»* // Манускрипт. 2019. Том 12. Вып. 6. С. 144–148.
16. *Платон. Полное собрание сочинений в одном томе*. М. : Альфа-книга, 2013. 1311 с.
17. *Хайдеггер М. Бытие и время*. М. : Академический проект, 2011. 460 с.

D. A. Shcherbakov

THE DOCTRINE OF CARE AND CARELESSNESS IN CHRISTIAN ANTHROPOLOGY AND HEIDEGGER'S FUNDAMENTAL ONTOLOGY

Abstract: The article deals with the juxtaposition of different understandings of care in Christian teaching and the philosophy of Martin Heidegger. The purpose of this work is to show the grounds for doubts about the reduction of personal being only to care and the justification for understanding peace and carelessness as genuine and perfect states and modes of human being. Based on the text of the Holy Scriptures, on the works of the holy fathers of the Christian Church and appealing to preontological life experience, the study shows the fallacy of reducing human being to care and reveals the grounds for the possibility of other, alternative interpretations of the essence of the existence of a person. References to the works of Christian writers substantiate the idea that surrendering oneself to the will of God, faith, hope and trust in Him frees a person from continuous worries and anxieties. It is shown that it is more correct to consider care not in itself as the being of a person, but as one of the states and methods of his being. A Christian understanding of peace and carelessness about the worldly as the highest states of human existence is given. It is concluded that in addition to caring, man's being is expressed and manifested in peace, in thought, in control, in the presence of God, in faith, hope and love.

Key words: care, Holy Scripture, Isaac Sirin, Heidegger, being a person, philosophy, love.

About the author: Shcherbakov Dmitrii Aleksandrovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History at the OGPU, Associate Professor of the Department of History and Social and Humanitarian Disciplines at the Orenburg Theological Seminary (Russia, Orenburg).

References

1. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah i drugie filosofskie raboty. M. : Akademicheskij Proekt, 2011. 335 s. *In Russian*.
2. Dudenkova I. V. Vliyanie fundamental'noj ontologii M. Hajdegera na pravoslavnyj personalizm XX veka // Vestnik RUDN, seriya «Filosofiya». 2008. № 3. S. 26–31. *In Russian*.
3. Efrem Sirin, prp. Izbrannye tvoreniya. M. : Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2007. 592 s. *In Russian*.
4. Zagrijchuk I. M. Vot-bytie M. Hajdegera i koncept lichnosti H. Yannarasa kak al'ternativa ontologicheskому padeniyu cheloveka // Hristianstvo na Blizhnem Vostoke. 2023. T. 7. № 1. S. 358–381. *In Russian*.
5. Ignatij Bryanchaninov, svt. Tvoreniya: Asketicheskie opyty. M. : Lepta, 2001. 865 s. *In Russian*.
6. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na psalmy. V 2-h tomah. T. 1. M. : Pravilo very, 2015. 608 s. *In Russian*.
7. Ioann Lestvichnik, prp. Lestvica. M.: Izd-vo moskovskogo podvor'ya Svyato-Troickoj Sergievoj lavry, 2004. 444 s. *In Russian*.
8. Isaak Sirin, prp. Prepodobnogo otca nashego Isaaka Sirina slova podvizhnicheskie. M. : Lepta Kniga, 2010. 800 s. *In Russian*.
9. Konacheva S. A. Bytijno-istoricheskoe myshlenie pozdnego Hajdegera i hristianskaya teologiya: problema sootvetstviya // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie». 2010. № 13 (56). S. 139–154. *In Russian*.
10. Konacheva S. A. «Bog, otvechayushchij molchaniyu»: interpretaciya filosofii M. Hajdegera v hristianskoj filosofii vtoroj poloviny XX veka Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie». 2008. № 7. S. 99 – 114. *In Russian*.
11. Konacheva S. A. Bogovidenie i myshlenie o bytii: Vladimir Losskij i Martin Hajdeger // HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya. 2018. № 2 (14) T. 7. S. 312–336. *In Russian*.
12. Kulikov M. V. «Zabota o sebe» kak opyt marginal'nogo: M. Fuko i L. Tolstoj // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2022. № 67. S. 35–45. *In Russian*.
13. Kunicin A. G. «Zabota» kak otnologicheskaya kategoriya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 3 (77). v 2-h ch. Ch. 1. S. 81–83. *In Russian*.
14. Kunicin A. G. Filosofiya Zapada cherez ponyatie «zabota» // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (397). S. 70–72. *In Russian*.
15. Kunicin A. G. Eticheskoe izmerenie «zaboty» // Manuskript. 2019. Tom 12. Vyp. 6. S. 144–148. *In Russian*.
16. Platon. Polnoe sobranie sochinij v odnom tome. M. : Al'fa-kniga, 2013. 1311 s. *In Russian*.
17. Hajdeger M. Bytie i vremya. M. : Akademicheskij proekt, 2011. 460 s. *In Russian*.